

Из Брюсселя в Париж самолет «Эр Франс» летел полупустым. Когда в салон вошел рослый сероглазый красавец с пикантным шрамом над левой бровью, сидевшая рядом со мной девушка вздохнула: «Мон дье — Ван Дамм». Кинозвезда и чемпион мира по карате улыбнулся сразу всем, но устроился обособленно. Я отважилась подсесть и представиться. «Трудно вступить в ваш вечерний клуб?» — спросил Ван Дамм. «Считайте себя принятым», — ответила я и за это удостоилась разговора, который длился, пока мы не пошли на снижение.

**Жан-Клод
ВАН ДАММ:**

«Передайте через «Вечерний клуб» москвичам: если смогу — непременно приеду!»

— В фильмах вы раздаете удары, как на ринге. Вас не привлекают психологические драмы?

— Все больше привлекают. Моя жажда драки утолена. Но вы, кажется, не видели психологические драмы с моим участием? Жаль. Хотелось бы узнать мнение москвички. Например, об «Ордере на смерть». Там я — следователь, который, выясняя причины нескольких необъяснимых смертей в тюрьме, внедряется в камеру под видом осужденного уголовника. Вот где гораздо больше психологии, чем ударов.

— Интересно. И следователю удастся что-то выяснить?

— Конечно, я же поборник справедливости. Удары на экране раздаю только во имя добра и правды. Мой следователь Луи устанавливает, что тюремный врач и его пособники умерщвляют узников, дабы завладеть их внутренними органами — для имплантации безнадёжно больным миллионерам.

— Слышала, что вы и моих соотечественников играли.

— Наверно, к этим ролям у вас отнеслись негативно? Особенно к сотруднику советской государственной безопасности, которого я изобразил в фильме «Черный орел». И к солдату, не выдержавшему издевательства тех, кто больше его служит, бежавшему с советской Чукотки на Аляску (картина «Львиное сердце»; впрочем, у нее есть второе название — «Самоволка», оно так и пишется по-русски).

— У нас очень немногие видели эти фильмы. А если бы увидели, то вряд ли вас осудили.

— Правда? Вы меня обрадовали!.. А со Шварценеггером меня у вас сравнивают?

— Мало кто. Я же говорю, наши вас видели немногие. Но сам мистер Шварценеггер (я брала у него интервью) сравнивает — и не в вашу пользу. Считает, что он сильнее.

— Физически? Не спорю. Меня утешает то, что он на экране непобедимый, бронеподоб-

ный. А я хоть и боец, но не сверхчеловек, могу и пропустить чей-то удар, и упасть, и лежать... Думаю, не это главное. Вот увидите, все мои гран-при на кинофестивалях — впереди, они будут! Я только начал. 18 декабря мне исполнится 34 года: считаю, что это всего тридцать четыре, а не уже.

— Как же много вы успели за «всего» 34 года.

— Положим, успел за «всего» 16—17 лет. Стал чемпионом европейской ассоциации профессионалов карате, чемпионом мира в рамках международной федерации карате, выиграл «Кубок Надежды», кубки Амстердама и Брюсселя, приз «Гала Интернэшнл боевых единоборств»...

— По свету ходит легенда, будто бы вы занимались карате, потому что вас, хилого мальчика, били сверстники. Правда?

— Во всякой легенде — доля истины. Хилым себя не помню. Боевыми единоборствами занялся, чтобы защищаться против сразу нескольких вооруженных нападающих. Отвел меня 12-летнего в брюссельскую школу карате отец, Жан Ван Варенберг.

— Как? Не Ван Дамм?

— Ван Дамм — звучный псевдоним, придуманный продюсером фильма «Не отступать и не сдаваться» (понятно, что фильм, мой первый, был со сплоченными драками)... Ван Дамм — словно свинг или хук! Дальше был фильм «Кровавый спорт», содержанием тоже соответствовал названию. Толпе нравится, когда умеют бьют. Но для меня существует одно: за что именно бьют? Если из животной жестокости, из злой корысти, по другим грязным поводам, — я отказываюсь сниматься. Даже если продюсер сулит суммы с шестью нулями. Кстати, недоброжелатели, завистники прицепились к фамилии Ван Дамм: не поленились съездить в Европу, поднять протоколы состязаний, а затем и шум: никакого Ван Дамма в протоколах нет! Я дал им покричать, после чего доставил себе удовольствие: известил прессу, что я от рождения Ван Варенберг, пусть разо-

благители еще раз слетают в Европу, потратятся, дабы убедиться, какие они дураки: Ван Варенберг присутствует во многих протоколах на первых местах.

— Не смею вторгаться в личную жизнь. Но даже наш «Вечерний клуб» напечатал заметку о том, что нынешним летом у вас состоялся очередной брак и что вы даже успели разойтись и с Дарси Ларнер. Явный перевод из американской прессы.

— Переводить следует точно. «Нынешним летом»? С Дарси я встретился и расстался в 1992-м. Можно подумать, что в кинемире я такой первый и последний. Насколько известно, даже в пуританском СССР случались вторые, а то и третьи женитьбы и замужества. Да, сейчас я женат в четвертый раз. Первая моч «половина», такая же юная, как я в те годы, и так же ничего не знавшая о жизни, в том числе о семейной, осталась в Брюсселе, когда я решил перебраться в Штаты. Она не хотела сопутствовать. И мне была бы обузой. В Америке не шампанским встречали! По счастью, отец научил водить машину, и чемпионские победы позволили заиметь мотор (но за океан его привезти было не по силам). Словом, стал я шофером в одной строительной фирме.

— А как же спортивные возможности? Вам ведь было немного лет.

— Всего 21 год! Спортивные возможности пригодились, когда меня вышибли из фирмы. Не захотел делить свою заработную плату с человеком, предоставившим работу. Вышибли, и я сделался вышибалой в плохоньком кабаке. Признаюсь, вышибал с удовольствием. Денег катастрофически не хватало, я даже не снимал какую-нибудь дыру с кровати. Спал на коврике за стойкой бара, когда посетители расплачивались к утру...

— Досталось вам, Жан-Клод. Говорю

искренне.

— Но не представляете всего, что досталось. Я полагал, что такой спортсмен, рельефная мускулатура и лицом не урод, — подойду для кино. В глубине души чувствовал: сумею, есть что сказать зрителю, позову его к хорошему! Куда там, не брали. Наклеил свою чемпионскую фотографию на белый лист, написал: «Жак-Клод Ван Варенберг, чемпион мира по карате», на последние деньги сделал пачку ксероксов и начал рассылать их продюсерам, тоже на последние деньги! Задаром в нашем ресторане не кормили, иной раз с чужих тарелок недоеденное приходилось подбирать.

— Но наступает наконец час...

— О, как не сразу он наступает, ма шер! Лишь на один мой ксерокс среагировали в Голливуде. Позвали вести с актерами уроки боевых единоборств. Спасибо, хотя бы постоянная плата, две пятых в месяц. Не думайте, что это много. Едва хватало на жизнь... Довольно, не хочу больше жаловаться. Вы меня размочили.

— Еще раз простите, Жан-Клод. У вас и сегодня во французской речи (вы же наверняка бельгийский валлон?) чувствуется фламандский отзвук. Как же с английским, который смело можно назвать американским?

— Трудно было. Уроки брал. И пять лет учился классическим танцам. Зато теперь я — Ван Дамм, и мне многое можно. Пока не попал по чистейшему везению, в фильм «Не отступать и не сдаваться», был подстилкой. Не знаю, зачем я вам все это говорю. Наверно, потому что вы — из Москвы.

— Писали, что вы к нам собираетесь. Как вас наши ждут!

— Давно собираюсь, два года. Но я связан контрактом с «Коламбия Пикчерз». На сей раз даже срок определен: 18 января 1995 года, спортивный дворец «Олимпийский», 12 раундов кикбокса. Соперники — мой молодой друг-боец Дида Диафат и кто-то из ваших. Но уже

был прецедент: собрался в Москву, но «Коламбия Пикчерз» сказала: Жан-Клод, поедешь играть Спартака (того самого, которого описал Джованьоли, вождя гладиаторов) в фильме «Атлас», это важнее, чем твои потасовки в Москве. Действительно, оказалось важнее: представьте, гладиатор-фракиец Спартак, перенесенный волей фантастов из эпохи Суллы во времена, когда нас с вами уже не станет, в будущее. Мог ли я отказаться, даже и без контракта? Вот и сейчас, в январе, «Коламбия» может указать: «Жан-Клод, не Москва, а Гонконг (Бангкок, Сидней, не знаю, Валпараисо), отработайвай свои миллионы!»

— Опять же не имею права спрашивать. Но я москвичка, у меня миллиона в жизни не будет.

— Понял. Получаю страшные, огромные деньги. Пять минут моего шоу на сцене парижского дворца Берси, где надо было только изобразить, как я расправляюсь с ватагой «бандитов» (естественно, артистов), стоили строителям 8 миллионов долларов. Много. Мне не так уж нужны эти деньги. Стараюсь избавляться. Есть фонд в Америке — «Загадай желание». Многие актеры, спортсмены, бизнесмены приходят к очень больным детям и выкупают все, что те захотят.

— Что делали вы?

— Ну сначала передал два миллиона в фонд. Затем зашел в одну палату. «Эй, вы! — говорю. — Что будем делать с Ван Даммом?» Ребятишки закричали: «Вместе сниматься!» Что ж, немедленно появилась кинокамера, и мы там вытворяли черт знает что... Извините.

— Жан-Клод! У вас слезы на глазах?

— Думаете, раздает удары; значит, лишился сердца? Насчет моих жен. Ну о первом браке — ясно. Случайность. Думаю, и у вас с молодыми так бывает. Теперь второй брак: Гледис Португез, чемпионка мира по бодибилдингу (среди женщин). Гледис была для меня единственно близким человеком. Я не разлюбил ее, не забываю наших с ней двоих ребят — Криса, которому «уже» за восемь, и Бьянку, четырех лет. Они, между прочим, гордятся, что их папа — Ван Дамм! Гледис идеальная жена, и хозяйка, и кулинар, и заботливая мать, и ко мне была всегда всей душой. Я просто одурел от этой ослепительной красоты Дарси. И ведь замужем она была. И с мужем меня познакомил.

— Об этом и у нас написано.

— Только не «минувшим летом»... Так уж вышло. Что делать. Перед мужем Дарси чувствую себя нехорошим. И сама Дарси казалась одной, оказалась — другой... Вся моя «вина» заключалась, как выяснено, в ревности!

— Об этом как раз и написано.

— Правильно написано. Так что же, безумная влюбленность — порок, повод для развода? Не я же настаивал на разводе. Его Дарси потребовала...

— Жан-Клод, надеюсь, у вас, у которого 18 декабря всего-навсего 34-летие, не совершенно разбито сердце?

— Нет, у меня с этим все в порядке. Как делают русские, чтобы сбилось?

— Стучат левой рукой по деревянному.

— А мы скрещиваем указательный и средний пальцы. Думаю, на сей раз и с этим будет отлично — я нашел Человека. Ничего не скажу, кроме имени. Ее зовут — угадайте!

— У женщин столько имен, что я не в силах угадать.

— Ее зовут Ниной! И поэтому я, достаточно издерганный дорогами, ездивший сейчас к родне, а там — не передать, сколько ко мне претензий, — так легко даю вам интервью. Ведь вы берете интервью?

— Я из московской газеты «Вечерний клуб». Неужели счастливую возможность поговорить с Жан-Клодом Ван Даммом я использовала, в моем-то далеко не юном возрасте, чтобы поболтать?

— Спасибо, Нина. Постарайтесь раздобыть видео моего Спартака в «Атласе», преступника в «Некуда бежать», следователя в «Ордере на смерть». Еще что-то было. Мы, кажется, пошли на посадку?

Спасибо, Нина! У меня давно не было такого облегчающего душу полета. Передайте через «Вечерний клуб» москвичам: если смогу — непременно приеду!

— Спасибо, Жан-Клод. Вас называли «Мышцами Бельгии». А я теперь знаю, что вы — «Доброе сердце Бельгии».

— И будущий призер всех кинофестивалей!

**Беседу вела
Нина АЛЕКСАНДРОВА.**